

въ какой степени эта своеобразность видоизмѣняетъ то, что сначала у Золя было названо „міротвореніемъ“, а позже — „природою“? На слово: „природа“ — Золя налегаль особенно, и вполнѣ ствiи усвоилъ себѣ названіе натуралиста, по своему объекту, не „персоналиста“, какъ то слѣдовало бы съ точки зрѣнія „темперамента“.

Оставалось рѣшить еще одинъ вопросъ: объектъ, заимствованный изъ „природы“ и видоизмѣненный „темпераментомъ“ писателя, остается ли этотъ объектъ по прежнему природой, то-есть такою же природой — для другихъ, и въ какомъ случаѣ такая видоизмѣненная темпераментомъ природа перестаетъ быть природой? Когда я рисую нагого человѣка, я вѣдь рисую природу. Когда я изображаю горный пейзажъ, я рисую также природу. Но когда я рисую Прометея нагимъ и прикованнымъ къ скалѣ, — будетъ ли это природа, или нѣтъ? Когда я рисую скелетъ, я рисую природу, а когда я рисую смерть въ формѣ скелета — будетъ ли это также природа? Въ какомъ же случаѣ видоизмѣненіе природы не можетъ быть допускаемо? Очевидно, что одного шага слишкомъ достаточно для того, чтобы превратить всякую природу въ фантазію. Самъ Золя борется непрерывно противъ историческаго искусства, а между тѣмъ онъ упускаетъ совершенно изъ виду фантастическое искусство.

Вотъ какъ разсуждаетъ самъ Золя. Всѣ старые принципы, какъ принципъ классическій, такъ и принципъ романтическій, — оба они построены на обдѣлкѣ природы, на систематическомъ урѣзываніи истины. Обыкновенно всѣ отправлялись изъ такой точки зрѣнія, какъ будто истина, взятая сама по себѣ, недостойна насъ, и достигнуть высоты поэзіи нельзя иначе, какъ подъ условіемъ очищенія, урѣзокъ, дополненій и украшеній природы. Различныя школы боролись между собою, чтобы рѣшить вопросъ: какъ слѣдуетъ облекать истину? Классики предпочитали древній костюмъ; романтики произвели революцію въ поэзіи, введя костюмъ феодальный. Но всѣмъ имъ на смѣну явились натуралисты и объявили, что истина можетъ ходить нагою и не нуждается ни въ какой драпировкѣ.

Но теперь для насъ весьма важно знать — не очищаетъ ли, не урѣзываетъ ли и не дополняетъ ли природу также и то, что нынѣ называютъ „темпераментомъ“, точно такъ, какъ прежде это дѣлалъ вкусъ у классиковъ и воображеніе у романтиковъ; и не приходится ли современному натуралисту, при помощи своего „темперамента“, точно также драпировать истину, подобно классикамъ и романтикамъ?